

Ужин был накрыт на длинном столе в холле первого этажа. Шао Дун достал из плетеной корзины большой ярко-красный пластиковый пакет, внутри которого оказалась целая миска паровых булочек.

Блюд было немного, но порции оказались огромными — деревенское рагу подавали в глубоких тазах.

Он вытер руки и разложил еду на несколько частей, чтобы каждому было удобно дотянуться:

— Это наши, домашние куры, а овощи только что с грядки. Попробуйте.

За столом уже сидели семь или восемь человек. Ци Инь, привычно державший руки на груди, сменил позу и, взяв палочки, попробовал кусочек курицы.

Затем он издал восхищенное «М-м!» и, по-приятельски обняв Шао Дуна за плечи, добавил:

— Все-таки свое, домашнее, — это совсем другой вкус. Наверное, непросто всё это вырастить? Старина, садись-ка с нами, поешь.

Двое других гостей за столом поддержали его:

— Точно, садись с нами. Поболтаем.

— Ты нас встречал, наверняка сам еще не ел. Садись скорее, мы люди простые, не стесняйся.

От такой общительности игроков лицо Шао Дуна покраснелось, он заметно смутился.

В этот момент в здание вернулись остальные игроки, до этого бродившие по двору.

Снаружи стремительно темнело. Не зная особенностей текущего подземелья, в первую ночь лучше проявлять осторожность и не уходить далеко.

Группа расселась по обе стороны длинного стола. Всего их было десять человек, включая Шао Дуна, так что свободными остались только два места на самом краю.

Ши Цзиньчжэ помог Шэ Хэ спуститься по лестнице. Одной рукой он держал её за ладонь, а другой придерживал за спину. Шэ Хэ по-прежнему не могла опираться на ноги, поэтому при ходьбе ей требовалась поддержка.

Ци Инь мельком взглянул на руку Ши Цзиньчжэ, лежавшую на поясе у Шэ Хэ. Его ладонь была слегка сжата в кулак — это было скорее не объятие, а фиксация. Одна рука сжимала её крепко, а вторая оставалась на почтительном расстоянии, демонстрируя подчеркнутую вежливость. Со стороны это выглядело как близость, но на деле казалось чем-то неестественным: мужчина был напряжен, в то время как женщина, несмотря на свою беспомощность, выглядела гораздо спокойнее.

Ци Инь отвел взгляд, не решаясь смотреть дольше. Он помнил, как в машине эта женщина, казалось, видела его сквозь ленту.

Он придвинулся к Шао Дуну, по-прежнему обнимая того за плечи, и начал выуживать информацию:

— Брат Шао, расскажи-ка нам, как тут в деревне дела. Мы ведь сюда приехали, чтобы помочь вам решить проблемы. В деревне даже нормальной дороги нет, если во всем не разобраться, мы по ночам спать спокойно не сможем.

Се Мань добавила:

— Да, господин Шао, просветите нас. Вы нас такой домашней курицей угостили, нам даже неловко становится, хочется поскорее начать помогать.

Они действовали сообща, и Шао Дун был глубоко тронут.

— Десять лет назад мне пришла в голову эта мысль. Я тогда только-только выпустился. В городах девушки в двадцать с небольшим еще учатся в университетах, а у нас в горной деревушке к двадцати годам у каждой уже по двое-трое детей. Я подумал: какой толк просто рожать? Нужно ведь быть полезным человеком, иначе так и будешь из поколения в поколение заперт в этой глуши. Я видел мир за пределами гор, видел девушек, которые изменили свою жизнь благодаря учебе, и захотел дать им такой же шанс.

Ши Цзиньчжэ внимательно наблюдал за Шао Дуном. Тот говорил искренне, но время от времени слегка хмурился, словно его что-то невольно тяготило.

Шао Дун понизил голос, и в его тоне проступила решимость:

— Даже если ничего не изменить, нужно хотя бы дать им шанс увидеть мир и самим выбрать свой жизненный путь.

Выбор. Это ключевое слово прозвучало впервые.

Помимо трех новичков и Сюй Цзялу, прошедшей всего два подземелья, остальные участники имели опыт за плечами в четыре-пять игр.

Бедный горный район, помощь в обучении, девочки — эти понятия невольно вызвали ассоциации с предрассудками о превосходстве мужчин.

В глазах некоторых людей дети — это лишь рабочая сила, особенно девочки. До замужества они должны работать на семью, а после получения выкупа за невесту они переходят в чужой дом. Будь то рождение детей или тяжелый труд — всё это уже не касается родной семьи.

Из-за невежества и оков, передающихся из поколения в поколение, они принимают предопределенную судьбу, пассивно соглашаясь с тем, как складывается их жизнь.

Для таких семей образование не кажется равноценным вложением.

Ши Цзиньчжэ подумал, что беспокойство Шао Дуна, вероятно, связано именно с этим: мало просто предложить возможность учиться, нужно еще сделать так, чтобы дети могли пройти этот путь до конца.

Ци Инь постучал дном стакана по столу, издав звонкий звук.

— Брат Шао, ты человек великой души. Я вместо вина подниму стакан воды за твое здоровье.

С другого края стола Се Мань тоже подняла стакан:

— Наверное, тебе было нелегко всё это организовать, брат? Деньги на обучение ты собирал в виде спонсорской помощи?

— Да, первые три года я бегал везде сам. Собирал по крохам, чтобы помочь хоть кому-то. А на четвертый год о моем деле написали в местных новостях, и организация Любовь и Милосердие сама вышла на меня.

Ши Цзиньчжэ спросил:

— А это здание они построили на свои средства? Что ты знаешь об их юридическом лице или организаторах?

Сделав паузу, он добавил:

— Я впервые участвую в волонтерской деятельности, приехал на чистом энтузиазме, а теперь понимаю, что у меня совсем нет опыта и я ничего не знаю.

— Ничего страшного, ничего. Здание они оплатили, а я нашел людей, чтобы его построили. Организаторы — это крупная интернет-платформа, я проверял их официальный сайт, они вполне надежные. По крайней мере, деньги мне действительно присылают.

— А есть ли у тебя их ежегодные...

Он не успел договорить — у Шао Дуна зазвонил телефон. Он ответил, и оттуда послышался плачущий голос молодой девушки. Они быстро заговорили на местном диалекте, который никто из присутствующих не понимал.

Повесив трубку, Шао Дун виновато улыбнулся:

— У одной из учениц случилась беда, мне нужно помочь.

Он поднялся:

— Ешьте спокойно, убирать ничего не нужно, просто оставьте всё на столе. Завтра приду.

Помахав рукой, он поспешно вышел и, не глядя под ноги, споткнулся о порог, едва не упав.

Сидевший ближе всех Ши Цзиньчжэ услышал, как тот пробормотал себе под нос:

— Вот ведь, опять забыл, что здесь порог.

То, о чем он хотел спросить, осталось невыясненным, пришлось отложить до завтра.

Ши Цзиньчжэ вспомнил благотворительные проекты, с которыми сталкивался раньше: даже при самом жестком контроле деньги умудрялись растаскивать по частям.

Благотворительные организации, если хотят сохранить доверие, должны каждый год делать финансовые отчеты прозрачными. Но получение денег еще не означает, что они идут на реальные дела.

Организация Любовь и Милосердие узнала о деятельности Шао Дуна из новостей, значит, их цель — помогать девочкам из глухих деревень, у которых нет возможности учиться.

Пожертвования должны были идти на учебные материалы или оплату учителей, но, глядя на этот совершенно не вписывающийся в обстановку двухэтажный дом, трудно сказать, что средства были использованы по назначению.

В этом доме не было следов повседневной жизни. Шао Дун не был здесь «как дома», здание строили не для него.

В горной деревне, где нет даже нормальной дороги, построили дом, которым никто не пользуется. Если кто-то и хотел «отпилить» часть бюджета, то логичнее было бы делать это на строительстве дорог.

А если никто не воровал, значит, этот дом построили здесь для чего-то конкретного.

Ши Цзиньчжэ погрузился в раздумья. Для чего же на самом деле предназначалось это здание?

<http://bllate.org/book/20632/2063048>